

смертное, ограниченное существо силилось изобразить и даль, и глубь, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы водворить въ немъ все, что въ природѣ слѣпой являлось лишь на мгновение.... Необъятность и мощь и жизнь изощрялся сынъ человѣческой изобразить въ храмъ скульптурно, барельефно, горельефно, живописно, иконописно прибѣгалъ къ звуку, къ слову, къ письму и, наконецъ, въ самомъ себѣ, въ живущихъ, изображалъ умершихъ, и въ этомъ послѣднемъ дѣйствиіи созокунная молитва, выраженная во всемъ предыдущемъ, превращалась въ храмовую службу. Искусство, —говорится на стр. 413-й той же книги, „начавшись востаніемъ живущихъ, т. е. вертикальнымъ положеніемъ челоуѣка, и возстановленіемъ надшаго, т. е. умершаго,—обращеніемъ къ небу перваго (живущаго—при вертикальномъ положеніи), и мнимымъ воскрешеніемъ, въ видѣ памятника, втораго (т. е. умершаго), искусство въ храмахъ достигало возсозданія подобій земли и неба.... Всѣ искусства могутъ быть объединены или, по нѣмецки, въ музыкальной драмѣ, въ театрѣ, или же, какъ мы полагаемъ—по славянски, по русски,—въ архитектурѣ, въ ея высшемъ произведеніи—въ храмѣ и въ службѣ, совершаемой въ храмѣ,—въ храмѣ, безконечно маломъ по сравнению съ мірозданіемъ,—но безконечно высшемъ мірозданія по смыслу, по вложенной въ него мысли,—въ храмѣ, какъ проектъ міра такого, какимъ онъ долженъ быть. Храмъ есть изображеніе неба, свода небснаго, съ изображенными на немъ поколѣніями умершихъ, какъ-бы ожившими; на иконостасахъ, какъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (такъ и во всякомъ храмѣ только сокращенно)—мы видимъ изображеніе всей исторіи, начиная отъ Адама,—праотцы допотопные, праотцы послѣпотопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христось, апостолы святые, и это до послѣднихъ дней; въ божественной же службѣ всѣ эги небожители объединяются въ одно цѣлое со служащими въ храмѣ и предстоящими (живыми),—въ божественной службѣ всѣ, умершіе и живые, составляютъ одну церковь. Но храмъ есть изображеніе міра по Птолемеевскому міровоззрѣнію, и пока господствовало Птолемеевское міровоззрѣніе, до тѣхъ поръ между знаніемъ и искусствомъ не было противорѣчія; когда же міровоззрѣніе Птолемеевское замѣнилось Коперниканскимъ, тогда явилось противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ, ибо искусство остается Птолемеевскимъ, а знаніе дѣлается Коперниканскимъ. Птолемеевское воззрѣніе, какъ оно выражается въ искусствѣ, въ храмѣ съ его службами, есть мнимая патрофикація неба, а Коперниканское—должно быть дѣйствительнымъ отцетвореніемъ, воскрешеніемъ, въ чемъ и найдете свое разрѣшеніе противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ“ (стр. 413-я „Филос. Общ. Дѣла“). „Когда ученые отвергли Птолемеевское міровоззрѣніе, дававшее возможность патрофикаціи, и уже торжествовали, что убито все, никакого неба нѣтъ, патрофикація не возможна,—оказалось, что Коперниканское воззрѣніе, замѣнившее Птолемеевское, что-бы быть доказаннымъ, требуетъ дѣйствительной патрофикаціи, т. е. регуляціи всѣхъ міровъ чрезъ не рожденные уже, а чрезъ возсозданныя прошедшія поколѣнія, потому что всякое положеніе (а Коперниканское воззрѣніе было и есть *лишь* положеніе), какъ перестаетъ быть предположеніемъ, дѣлается суетвѣріемъ, если не доказано осязательно. Какимъ же образомъ Коперниканское